

ВСЁ ЛИ МЫ ПОМНИМ?

DO WE REMEMBER EVERYTHING?

Мария Кабалевская:

В этом году исполнилось 75 лет со дня победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Все средства массовой информации полны патриотических сюжетов, телевидение транслирует парады и концерты, организованные во дворах домов персонально для живущих там ветеранов. Если не акцентироваться на том, что из сотен тысяч людей, даровавших нам мирную жизнь, таковых остались десятки и все они достойны были принимать подобную благодарность все эти 75 лет, все происходящее по-настоящему трогательно. Телевизионные программы заполнены фильмами на военную тематику, постоянно звучит фраза «Никто не забыт, ничто не забыто!». Да, ситуация, когда ветеранов с применением силы молодые милиционеры не пустили на Красную площадь, ушла безусловно навсегда. Патриотизм поднят высоко на щит, но мне хотелось бы напомнить вот о чем. По моему глубочайшему убеждению ни одно самое хорошее художественное произведение не в состоянии соперничать с произведением документальным. Мне не понятно, почему не демонстрируется фильм «Обыкновенный фашизм», снятый Михаилом Роммом на киностудии «Мосфильм» и вышедший на экраны в 1965 году? В нем нет ни одного не документального кадра, а текст, звучащий за кадром — это голос самого Ромма, когда он комментировал уже смонтированный фильм за несколько дней до официальной премьеры. Дело в том, что его кадры были полны такой трагической силы, что ни один специально написанный текст не ложился на видеоряд. По словам самого Ромма монтажницы в студии падали в обмороки, не выдерживая увиденного.

А документальный фильм, созданный Константином Симоновым в 1974 году под названием «Солдатские мемуары»? Почему он забыт нашими СМИ? Ведь в основу этого фильма Симонов положил беседы о войне с кавалерами Ордена Славы трех степеней — командиром орудия, «истребителем танков» Михаилом Бадиным, пехотинцем Василием Алифановым, связистом Хабибуллой Якиным и сапером Иваном Растягаевым. Эти мужественные мужчины откровенно плакали, рассказывая о пережитом и вспоминая погибших товарищей. Я абсолютно уверена, что если бы теперешние 20-30- и даже 40-летние видели эти фильмы, не было бы и тех отморозков, у которых поднялась рука выложить на сайт «Бессмертного полка» фотографии главных идеологов фашизма.

А фильм режиссера Виктора Дашука «У войны не женское лицо»? Почему нам рассказывают, как женщины из императорской семьи в годы Первой Мировой войны работали сестрами милосердия, но так мало говорят о подвиге наших женщин на фронтах Второй мировой? Владимир Соловьев в своей передаче, вышедшей в эфир 12 мая, в день медицинской сестры, совершенно справедливо задал вопрос о том, почему есть медаль Флоренс Найтингейл (награда¹ Международного комитета Красного Креста, учреждена в 1912 г.), но нет медали имени Даши Севастопольской², одной из первых военных сестер милосердия, героини обороны Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг.? Это к вопросу о патриотизме. И я уже не спрашиваю, почему наша страна, победившая фашистскую Германию, отмечает этот праздник под музыку бесспорно гениальную, — Моцарта, Бетховена, — но при этом забыто, что су-

¹ Награда присуждается медицинским сестрам и братьям за исключительную преданность своему делу и храбрость при оказании помощи раненым и больным, как в военное, так и в мирное время.

² Настоящее имя Даши Севастопольской — Дарья Лаврентьевна Михайлова. Она, как и Крестовоздвиженская община сестер милосердия, стоит в ряду всемирно знаменитых подвижниц.

ществует «Реквием» советского композитора Д. Кабалевского на слова советского поэта Р. Рождественского, имеющего в качестве эпиграфа слова «Посвящен тем, кто погиб в борьбе с фашизмом»?

Возвращаясь вновь к ценности документальных свидетельств военного времени, мы публикуем сегодня несколько писем Дмитрия Борисовича Кабалевского, писем-воспоминаний, ценных личностным восприятием композитором событий Великой Отечественной войны. В этих письмах Д. Кабалевский описывает несколько эпизодов из жизни военного времени, которые, конечно связаны и с ролью музыки в эти годы.

Дмитрий Кабалевский:

ПУШКИ И МУЗЫКА

В суровые первые месяцы 1942 года я провел несколько недель на Юго-Западном фронте, в районе Харькова, уже оккупированного гитлеровской армией.

Я понимал, что не смогу написать ни одной настоящей страницы музыки, посвященной событиям и людям Великой Отечественной войны, если своими глазами ничего не увижу и сам ничего не испытаю. Командировка Главного Политического Управления Армии, официально направлявшая меня на фронт для помощи армейской самодеятельности, дала мне эту возможность. Дни, проведенные на фронте, научили меня бесконечно многому...

Неизменным моим спутником, младшим по возрасту, но несравнимо старшим по фронтовому опыту был Евгений Долматовский, к тому времени испытывший уже все опасности и превратности войны, настоящий боевой военный корреспондент. Он стремился показать мне как можно больше, сделать меня свидетелем самых различных фронтовых ситуаций, наполнить меня как можно более глубокими и острыми впечатлениями.

И усилия моего фронтового друга не были бесплодными. Нас бомбили с воздуха и обстреливали из минометов; за стенами нашей каты рвались артиллерийские снаряды; в долине, откуда мы разглядывали фашистов, разгуливающих по улице совсем близкой деревни, воздух был пронизан свистом пуль, летевших из той самой деревни; мы знакомились с легендарными героями, но были и свидетелями расстрела предателя; участвовали в допросе пленных и вели беседы с партизанами, только что перешедшими через фронт; мы видели много страшных страданий и страшного горя, но видели и безудержную радость бойцов — свидетелей счастливого исхода воздушного боя. Навсегда врезались в память молоденькие медсестры, в пути на «передовые» читавшие вслух «Евгения Онегина», и солдаты, списывавшие друг у друга симоновские стихи «Жди меня» и совсем рядом со смертью певшие хриплыми голосами, но нежно «Моя любимая» М. Елантера.

Мы много работали — помогали фронтовым любителям поэзии и музыки, непрерывно что-то сочиняли. В те дни, после встречи с партизанами были написаны «Народные мстители». В только что отбитом у немцев селе, в хате, где у измученной горем матери и не произнесшей при нас ни одного слова ее дочери-подростка не надо было спрашивать, что перенесли они за два месяца жизни под фашистским владычеством, — у меня родился замысел оперы «В огне», перешедший потом в «Семью Тараса». Словом, жажда творческой работы ни на минуту не покидала нас.

Однажды, ночуя «в двух от переднего края», мы были разбужены доносившимися с улицы совершенно непонятными, волшебной красоты звуками. Так могла звучать неправдоподобно больших размеров музыкальная шкатулка, звуки которой, возросши во много раз, сохранили, однако, свою нежность и прозрачность. Мы выскочили на крыльцо. По улице мимо нашей каты проходила батарея тяжелых пушек. Огромные колеса скрипели по окаменевшей на 35-градусном морозе земле.

Долматовский написал и посвятил мне стихотворение «Музыка», оканчивающееся такими строчками:

..Видно, музыки хочется очень, / Если пушки поют среди ночи!

В РОДНОМ ГОРОДЕ

Во время войны я часто думал о городе, где родился, провел детство и учился. Мне очень хотелось побывать в Ленинграде именно в то, тяжелое для него время.

Осенью 1943 года, работая начальником художественного вещания Всесоюзного радио, я «придумал» себе командировку в Ленинград: посмотреть, как работает Ленинградское радио, помочь ему, чем можно. В начале октября я забрал порядочный груз — литературные и музыкальные записи и другие материалы и вылетел на каком-то непонятном, не то гражданском, не то военном, самолете к берегу Ладожского озера. Мы продолжали путь только после наступления темноты. Ленинград был еще блокирован, так что лететь надо было через озеро, стараясь не попасть на глаза противнику. Наш самолет летел так низко над водой, что черные волны, казалось, вот-вот заденут за тяжелую машину. Потом мы поднялись выше. На земле было светло от огней. Огней разной силы, разной скорости, разных цветов: пожаров, прожекторов, орудийных залпов, трассирующих пуль, ракет и бесконечных разрывов. Это огненное, ни на секунду не успокаивающееся кольцо обхватывало Ленинград...

Город с воздуха бомбили мало, но артиллерийский обстрел не прекращался ни днем, ни ночью. Тревога объявлялась порайонно; веселая музыка, звучащая из мощных репродукторов по всему городу, заменялась в обстреливаемом районе тревожным стуком метронома. К тревогам все привыкли. Я видел, как на скверике под звуки Кальмана детишки играли в свои далекие от войны игры, а на противоположной стороне улицы настойчивым напоминанием об этой войне сухо отбивал свою тревогу метроном. Один из обстрелов застал меня на улице Бродского. В глаза бросилось размашистая надпись на доме, около которого я проходил: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Я перешел на другую сторону. И прочитал: «При артобстреле эта сторона...» Так было, оказывается, на всех улицах, расположенных по направлению к фронту.

Район, где находилось Радио, обстреливался часто, но вещание не прекращалось ни на секунду. Это ведь было фронтовое радио. Накануне отъезда я сидел в студии и слушал передачу — молодая певица пела романсы русских композиторов. Сквозь толстые стены донесся глухой звук разрыва. За ним — другой. В студию тихонько вошел кто-то из сотрудников и шепотом сказал мне на ухо: «Вы обязаны спуститься в убежище». Я поблагодарил за внимание. Предупредивший меня товарищ понимающе кивнул головой и так же тихо вышел из студии. Он знал, что я не пойду за ним: он ведь тоже шел не в убежище, а к месту своей работы.

Ленинградское радио работало великолепно. И я всегда с восхищением и глубочайшим уважением думаю о всех, кто работал там в тяжелые годы блокады — от технического персонала до каким-то чудом сохранившегося оркестра под управлением К. Элиасберга. Это были настоящие герои — и тыла и фронта одновременно.

Обратно я ехал поездом — паровоз и три вагона — по знаменитому коридору. Эта была совсем узкая полоска непрерывно простреливаемой, но все же своей отвоеванной советской земли. Поезд рисковали пускать только ночью. И я, наконец, выспался. А утром проснулся на какой-то станции от невероятного грохота бомбежки...

«РЕКВИЕМ» НА РОДИНЕ ТЕЛЬМАНА

«...Кто выберет Гинденбурга — тот выберет Гитлера. Кто выберет Гитлера — тот выберет войну...». Эти слова были сказаны Эрнстом Тельманом в его последней речи, произнесенной в 1933 году на нелегальной сходке немецких коммунистов неподалеку от Берлина, в местечке Цигенхальц на берегу Шпрее. Сейчас здесь одно из самых дорогих памятных мест новой, демократической Германии.

У самой воды под навесом стоит большая лодка «Шарлотта». В тот день, переезжая Тельмана с товарищами на другой берег, она спасла их от нацистов. Но это была недолгая отсрочка. Вскоре после встречи в Цигенхальце Тельман был аре-

стован, одиннадцать с лишним лет просидел в тюрьме и был убит гитлеровцами в Бухенвальде буквально накануне их собственного конца.

Поразителен контраст между глубоким драматизмом и напряженностью разыгрывавшихся здесь событий и удивительной тишиной, спокойствием и поэтичностью красот этого уголка. Вокруг и сейчас мало строений, а тогда, говорят, и вовсе был только лес да вода...

Слушая рассказ о выдающемся вожде немецких коммунистов, о его борьбе и гибели, о борьбе и гибели множества его товарищей — немецких антифашистов, я вдруг почувствовал, что есть какой-то глубокий смысл в том, что наш с Робертом Рождественским «Реквием» впервые за рубежом исполняется именно здесь, в стране, где столкновение фашизма с антифашистскими силами было таким острым, как ни в одной другой стране мира. И я понял, почему с такой сердечной увлеченностью, особым внутренним пониманием отнеслись к исполнению «Реквиема» все его участники...

...Растворился в воздухе последний аккорд хора. В зале стояла тишина. Она продолжалась так долго, что дирижер Хельмут Кох не выдержал, сделал шаг вперед и положил обе руки на партитуру. Потом все встали — так бывает, когда люди хотят почтить память погибших, — и аплодировали стоя...

Со многими познакомился я в тот вечер. У одной женщины восемь самых близких родных погибли в гитлеровских концентрационных лагерях. У юноши отец был антифашистом и погиб, а сам он родился в нацистском лагере.

Потом ко мне подошел незнакомый человек — наш, русский. «Вы были в 1942 году на фронте?» — «Был». — «Село Первое Октябрьское помните?» — «Конечно, помню». — «Первую гвардейскую стрелковую дивизию помните?» — «Конечно, помню!» — «А какое это страшное время было, помните?» — «Разве это можно забыть!..» — И тут все вспомнилось: доктор экономических наук Борис Яковлевич Ионас, тогда совсем еще молодой человек, служил переводчиком в дивизии генерала Руссиянова, где в те дни были и мы с Долматовским. Короткий разговор воскресил в нашей памяти многое, очень многое, что мы видели и переживали в то действительно страшное время.

Мог ли я тогда подумать, что через двадцать два года мы встретимся в Берлине, в столице дружественной нам демократической Германии, при исполнении на немецком языке «Реквиема», посвященного тем, кто погиб в борьбе с фашизмом...

Мария Кабалевская:

Сегодня мне вспоминается фрагмент письма военных лет моего отца к маме, находившейся в эвакуации под Свердловском. Он писал, что рано утром собрался на работу в Радиокomitee и только успел выйти из подъезда дома на 3-й Миусской улице, как «прямо над ухом из уличного репродуктора грянуло: "Четверка дружная ребят". Музыка Дмитрия Кабалевского, стихи Самуила Маршака. Это было не просто приятно, но и довольно неожиданно, поскольку песня была написана буквально пару дней назад».

Стихи были опубликованы впервые в газете «Пионерская правда», № 81, 10 июля 1941 г. И в 1941 же году появилась эта песня. Мы сегодня публикуем ее, военную песню, созданную для детей, которая, несомненно, сыграла свою роль в их патриотическом воспитании. Это тоже документ времени, когда многие дети мечтали о фронтовых подвигах, о чести защищать Родину, но должны были сражаться иначе, помогая взрослым на местах, поддерживая семьи, младших сестер и братьев, выполняя работу, на первый взгляд будничную, но которая стала для них совсем иной в дни войны: «Но защищать свою страну сумеем мы и тут!».

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги! Возникла идея провести вебинар с рабочим названием *"Роль музыки в патриотическом воспитании детей и молодежи на примере школьных музеев"*. Ориентировочное время проведения вебинара — сентябрь 2020 г. Всех, кто готов принять участие, просим прислать ваши контакты и варианты форматов участия до конца июля на электронную почту markab50@gmail.com. Любые предложения и идеи принимаются с интересом и благодарностью!

ЧЕТВЕРКА ДРУЖНАЯ РЕБЯТ

Слова С. Маршака

Музыка Д. Кабелевского

В темпе марша. Умеренно

Б

mf

1. Чет - вер - ка друж - на - я ре - бят и -

mf Б 7

-дет по мо - сто - вой, и, слы - шу, гром - ко го - во -

Б Ум

-рят о - ни меж - ду со - бой: —Мне

Б 7

шесть—сдь-мой. —Мне семь—вось-мой. —Мне ско-ро бу-дет пять. —Пой.

дет де-вя-тый мне зи-мой, мне в шко-лу по-сту-пать. Не -

Принес

льзя ре-бя-там на вой-ну, по-ка не под-ра-стут; но

pesante

М Б

за-щи-щать сво-ю стра-ну су-ме-ем мы и тут!

Уи

ff

mf
Чет - вер - ка друж - на - я ре -

dim.
бят и - дет по мо - сто - вой, и слы - шу, гром - ко го - во -

dim.
рят о - ни меж - ду со - бой:

f
- Да, за - щи - щать сво -

cresc.

f

Б Ум

Б Ум

Б Ум

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
И слышу: громко говорят
Они между собой.

— Мне шесть, седьмой!
— Мне семь, восьмой!
— Мне скоро будет пять.
— Пойдет девятый мне зимой,
Мне в школу поступать.

Припев:

Нельзя ребятам на воину,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеем мы и тут!

— Ушел сегодня мой отец.
— А мой ушел вчера.
— Мой брат и прежде был боец.
— Моя сестра — сестра!

— Сегодня дома из мужчин
Остался я один.
Работы столько у меня,
Что не хватает дня.

Припев:

Нельзя ребятам на воину,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеем мы и тут!

Я гвоздь прибил.
Песок носил. Насыпал два мешка.
Расчистил двор
И всякий сор
Убрал я с чердака.

— На фабрику уходит мать,
А детям нужен глаз.
Я их учу маршировать,
Носить противогаз!

Припев:

Нельзя ребятам на воину,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеем мы и тут!

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
И слышу: громко говорят
Они между собой:

Да защищать свою страну
Сумеем мы и тут!